

СТАТЬИ

СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ТЕКСТ ПЕРВОГО ТОМА РОМАНА Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА «ЧУРАЕВЫ» И ЕГО АВТОРИЗОВАННОГО ПЕРЕВОДА Н.С. СЕЛИВАНОВОЙ

Е.В. Яркова

Ключевые слова: «Чураевы», Г.Д. Гребенщиков, авторизованный перевод, Н.С. Селиванова, старообрядческий текст, поэтические вставки

Keywords: “The Churayevs”, George Grebenstchikoff, authorized translation, Nina Selivanova, Old Believer text, poetic inclusions

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)2-01](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)2-01)

Введение
Творчество Г.Д. Гребенщикова — предмет продолжительного интереса ученых-филологов, как изучающих локальный сибирский текст, так и специализирующихся на литературе эмиграции. Особой актуальностью обладает, в частности, введение в научный оборот и анализ автопереводов и англоязычных произведений писателя. Эмигрировав в 1920 г., Гребенщиков продолжил писать и издавать свои произведения на русском языке, в частности, используя для этого издательство «Алатас», которое основал вместе с Н.К. Рерихом в 1924 г., однако известны и переводы на европейские языки [Масяйкина, 2021], и обширные англоязычные рукописи, которые являются основой настоящего исследования. Иноязычные работы Г.Д. Гребенщикова стали объектом специализированного изучения при написании кандидатской диссертации автора настоящей статьи [Масяйкина, 2020a]. В рамках же грантового проекта Российского научного фонда № 22-78-00040, реализовываемого в 2022–2024 гг.¹, был подготовлен и выпущен первый том собрания англоязычных сочинений и автопереводов автора [Собра-

---

1 Грант Российского научного фонда № 22-78-00040 «Литературный билингвизм как творческая стратегия русских писателей-эмигрантов: на материале наследия Г.Д. Гребенщикова (1883–1964)». Электронный ресурс: <https://rscf.ru/project/22-78-00040/>

ние, 2024], в которое вошли как прозаические, так и поэтические произведения Гребенщикова на английском языке, с акцентом на автопереводах писателя. Однако несмотря на проделанную работу, большой корпус материалов продолжает оставаться нерассмотренным, что обеспечивает актуальность для подготовки и выпуска второго тома автопереводов Г.Д. Гребенщикова, куда войдут преимущественно средние и крупные прозаические произведения, в частности: автоперевод очерка «Толкай телегу к звездам» (русскаяязычная версия 1946 г., англоязычная 1953 г.), автоперевод повести «Купава. Роман одного художника» (русскаяязычная версия 1936 г., англоязычная начало 1940-х гг.), роман-эпопея «Чураевы» в авторизованном переводе Н.Н. Селивановой (русскаяязычная версия 1921 г., англоязычная 1940-е гг.) и другие тексты. Настоящая статья является частью цикла научных работ по осмыслению и введению в научный оборот данного текста, предваряющего непосредственно выход в свет второго тома «Собрания...». Целью исследования является анализ старообрядческого текста первого тома романа-эпопеи «Чураевы» и его авторизованного перевода.

Методы и материалы исследования

Материалом текущего исследования является авторизованный перевод первого тома романа-эпопеи «Чураевы», выполненный Н.Н. Селивановой (322 листа). Первые попытки описания и введения данного перевода в научный оборот были предприняты в ряде статей автора [Яркова, 2024а; Яркова, 2024б], настоящее исследование является ответом на потребность в комплексном рассмотрении данной пары текстов-сателлитов.

Роман «Чураевы» не раз становился предметом научного рассмотрения для целого ряда исследователей-филологов. Одним из первых с осмыслением романа выступил К.В. Анисимов [Анисимов, 1997], обратив внимание на особую значимость образа старообрядчества для художественной структуры романа, а также непосредственную связь мотива раскола с хронотопами города и деревни, подчеркивая его «особую амбивалентность». Труды, посвященные месту романа в творчестве Г.Д. Гребенщикова и актуальном ему мировом процессе, были представлены А.П. Казаркиным [Казаркин, 2004] и Т.Г. Черняевой [Черняева, 2003]. В частности, Т.Г. Черняева задает читателю следующий вопрос в предисловии к первому в современной России изданию романа: «Вопрос, который не может не интересовать читателя: почему Гребенщиков обратился в своем романе к изображению алтайских старообрядцев?» И отвечает на него таким образом: «Гребенщиков запечат-

лел в раннем творчестве образ Сибири в переломный момент ее существования. В ней многое разрушается и творится заново, происходит переоценка ценностей, жизнь „сокрушает старых, привычных богов и порою никого не ставит на их место“» [Там же, с. 79], ссылаясь на рецензию Василия Анучина к первому тому сборника Г.Д. Гребенщикова «В просторах Сибири». Комплексное изучение романа было представлено в диссертационном исследовании С.С. Царегородцевой [Царегородцева, 2005]. Анализ образа Сибири также представлен Т.Н. Закаблуковой [Закаблукова, 2008]; в статье подчеркивается сложность и многогранность образа региона и описываются два основных элемента, из которых он складывается: природа и быт семьи, причем последний «представлен не только в качестве этнографического описания, но и психологического исследования семейных отношений и их влияния на становление героев» [Там же, с. 58]. Рецепция идеи «Москва — третий Рим» в романе была проанализирована А.Ю. Горбенко [Горбенко, 2013], в статье делается вывод, что данная идея, пройдя долгий путь в идеях и размышлениях героев (в частности, Василия Чураева), «от апокалиптической злобы и всеобщей вражды, принципиально „небратского“ отношения, до смирения и любви, Россия возродится (закономерно, что этот процесс осмысливается автором в евангельских категориях Распятия и Воскресения)» [Там же, с. 299]. В.В. Десятовым был представлен анализ романа в контексте жизнестроительства Г.Д. Гребенщикова [Десятов, 2018]; роман «Чураевы» наряду с деревней Чураевка в шт. Коннектикут, часовней преп. Сергия Радонежского и произведением «Радонега» включается в состав «литературно-архитектурного триптиха». Помимо этого, исследователь продолжает тенденцию к включению Г.Д. Гребенщикова в литературный канон, проводя ряд значимых параллелей с творчеством Н.В. Гоголя. Исследовательская рефлексия над целостным сибирским литературным процессом также отвечает на ряд вопросов, связанных с позиционированием романа в диахронии. В частности, А.В. Смольянинов упоминает о «внутреннем курсе сибирской литературы на крупные эпические и лиро-эпические формы», ответом на который и стала в том числе многотомная эпопея «Чураевы» [Смольянинов, 2024, с. 8]. Тем не менее, несмотря на обширную историю изучения романа «Чураевы», связь темы старообрядчества в тексте романа-эпопеи и особого контекста иноязычного творчества и авторизованных переводов Г.Д. Гребенщикова остается не вполне охваченной современными исследованиями и создает лакуну в изучении творческого наследия писателя.

Роман также был высоко оценен современниками. Иллюстративным примером является высокая оценка романа Ф.И. Шаляпиным: «Да разве о „Чураевых“ так просто напишешь? Это, батюшка, в письмо не укладывается. Восторг вызывают „Чураевы“ у меня в душе огромный, и не могу разобраться точно — они ли, разнородные братья, отцы ли их, обычаи ли или природа, так просто и так кованно написанные Вами, умиляют душу мою, — но признаюсь Вам: с „Чураевыми“ я горжусь, что я русский, и с завистью жалею, что не сибиряк» [Росов, 2023, с. 176].

Кроме того, существует достаточно обширная рецепция романа в европейских газетах. Небольшая коллекция этих материалов хранится в ГМИЛИКА и была предположительно собрана Г.Д. Гребенщиковой или Т.Д. Гребенщико-вой. В архиве представлены заметки не только на английском, но и на французском, итальянском, датском, чешском и иврите. На французском языке было найдено 8 заметок, на скандинавских языках 5, на итальянском 3, на немецком 2, на чешском и иврите по 1 заметке [Масяйкина, 2021].

В зарубежной газетной рецепции Г.Д. Гребенщиков предстает в первую очередь автором «Чураевых» и в качестве основателя Чураевки одним из культурных лидеров русского зарубежья в США. Нельзя не отметить рефлексию концепта «сибирскости»: к примеру, в рубрике «Фельетон» газеты «Journal des débats» 10 апреля 1923 г. вышла заметка «Une épopée russo-sibérienne Les Tchouraieff de M. Georges Grebenschichikov» [Русско-сибирская эпопея Чураевы от Георгия Гребенщикова (прим. — **Перевод Е.Я.**)], где, как можно видеть, автор не ограничился одним культурно-этническим маркером, но обозначил один из ключевых трудов Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» как *русско-сибирскую эпопею* (прим. — **Курсив Е.Я.**), объединив в один концепт два близких, но в то же время не синонимичных региональных понятия.

Нельзя также не отметить рецензию Анри Монго (Henri Mongault), переводчика романа на французский язык. Текст опубликован в издании «Le Figaro» 13 августа 1922 г. и озаглавлен «Ecrivains Russes en Exil. Un écrivain siberien: Georges Grebenschichikov» [Русские писатели в изгнании. Сибирский писатель Георгий Гребенщиков (прим. — **Перевод Е.Я.**)]. В рецензии приводятся биографические сведения о писателе, а также информация об отце, деде и матери Гребенщикова, подчеркивается его сибирское происхождение. Автор рецензии прочит Гребенщикову занять «*видное место в новой литературе будущей России*», а также приводит не только обзор-аннотацию романа, переводчиком которого является, но и перечисляет уже вышедшие произведения Гребенщикова, включая как отдельные рассказы, так и сборники, причем

заглавия даются на французском языке: «В горных далях» (1913–1914), «Змей Горыныч» (1916), «Степь да небо» (1917), «Любава» (1918) и др. Данный факт косвенно подтверждает, что Г.Д. Гребенщиков был уже достаточно известен во Франции к моменту выхода романа. В том же году вышла рецензия известного французского критика и общественного деятеля первой половины XX в. Камиля ле Сена (Camille le Senne) «Livres et auteurs. Les Tchouraïev» [Книги и авторы. Чураевы (прим. — *Перевод Е.Я.*)]. Источник данной рецензии, к сожалению, не удалось установить, однако сам факт появления данного текста на страницах французской прессы также является иллюстративным примером читательского интереса к произведениям Гребенщикова.

Перевод первого тома романа «Чураевы», «Братья» [Селиванова, 1940-е], подписанный непосредственно Н.С. Селивановой, найден в архиве в виде машинописной рукописи, 322 л., в хорошей сохранности, с небольшим количеством машинописных помет. Можно датировать данную рукопись началом 1940 г., поскольку подпись на обложке характеризует Гребенщикова как «*author of The Turbulent Giant*» (автор романа «Былина о Микule Буяновиче», вышедшем в 1940 г.). На некоторых листах обнаружен штамп литературного агентства «Robert Thomas Harby, Inc.», осуществлявшего свою деятельность в Нью-Йорке в 1930–1940-х гг. [Bonnet]. Так, можно предположить, что Н.С. Селиванова в начале 1940-х гг. являлась сотрудницей этой организации и работала над переводом «Братьев» в рамках своей официальной деятельности, что может подтверждаться отсылкой к другому уже вышедшему роману Гребенщикова на обложке рукописи.

В исследовании применены методы целостного и переводческого анализа литературного текста, позволившие выявить тематико-мотивные особенности оригинала и его автоперевода. Комплексный подход предполагает не только сравнительное изучение переводного варианта, но и анализ привлеченных источников, что обусловлено спецификой исследуемого материала и способствует адекватному решению поставленных задач.

Результаты исследования

Продуктивным средством выражения комплексной системы образов, связанной со старообрядчеством, является песенный код. Песенный и поэтический код романа «Чураевы» состоит из двух равных частей: народных песен и христианских духовных стихов. Эти произведения создают уникальную картину жизни сибирских крестьян-староверов, в равной степени иллюстрируя их духовную жизнь, радости и го-

рести. В обоих типах текстов переводчик сохраняет оригинальную форму. На иностранном языке воспроизводятся ритм, строфика и иногда предпринимаются попытки сохранить рифму. Духовные стихи в романе представлены четырьмя строфами из первой части романа. Ранее они уже были приведены в статье автора [Яркова, 2024б], однако композиция текущего исследования заставляет привести их еще раз.

Первая строфа относится, согласно авторской ремарке, к одному произведению («он тихо по-старинному запел знакомый стих»), а три оставшихся — к другому («а в памяти вставал другой старинный стих»); кроме того, имплицитно обозначены лакуны.

Таблица 1

**Духовные стихи в романе «Чураевы»
и переводе «The Churayev Brothers»**

Г.Д. Гребенщиков. «Чураевы. Братья» (2013)	Н.С. Селиванова. «The Churayev Brothers»
Ах, пастырю мой прелюбезный, Вскую тако скоро скрыся, Мя остави сиротети — Во вся дня моя скорбети...	Oh, pastor to my heart so dear, Why last thou disappeared so soon, Leaving me orphaned and forlorn To spend my days in sorrow here
Ах, прекрасная пустыня, Прими мя во свои частыни, В тихость свою безмолвну, В палату избранну...	Oh beatific solitude, Receive me in they bosom wide; In the depths of thy silence I have chosen to abide
Покая и светлых чертогов, Славы и чести премноги — Бегаю аки от змия... Пустыня моя, прими мя!..	Comfort and splendor of palaces, Glory and honors galore, I shun as I would a serpent. Oh solitude, take me therefore.
Пойду в твои луги зрети Многие прекрасные цвети... Пребуду zde своя лета До скончания века... (С. 60–61)	To Thy meadows I am coming, To see the store of fragrant flowers. Here shall I spend my days To the last eternal hours. [Селиванова, с. 21–23]

Выявление источников заимствования данных текстов на данный момент является продолжающейся исследовательской задачей; в «Собрании сочинений» (Георгий Гребенщиков. 2006) Г.Д. Гребенщикова эти стихи не были прокомментированы, что оставляет лакуну для научного поиска. В частности, можно закономерно предположить, что Гребенщиков стилизовал эти поэтические вставки, используя известные ему старообрядческие духовные стихи, с которыми он познакомился

в ходе своей экспедиции в Горный Алтай в 1909–1910 гг. Тем не менее в очерках «Река Уба и Убинские люди» и «Алтайская Русь» не приводятся непосредственных текстов духовных стихов, только указания на то, что церковное пение «старинное, болезненно-ноющее и обязательно надтреснутыми, как бы дребезжащими голосами, производимыми скорее носом, нежели горлом. Слушая это пение, невольно уносишься в первые века христианства, когда, гонимые язычеством, христиане пели где-либо в подземельях, в пещерах и когда, наряду со славословием Бога, они не могли не выразить в голосе своих мученических страданий и скорби» (Георгий Гребенщиков. 1912. С. 55).

Предполагаемым источником для первой строфы является духовный стих «Жалости», относящийся к главе «Рифмы воспоминательны, стихи и плач об Андрее Дионисиевиче, устроителе и предводителе Выговской монастырской общины» сборника «Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола» под ред. Бонч-Бруевича [Бонч-Бруевич, 1908, с. 291]. Что немаловажно, в данном разделе приводятся тексты, относящиеся к поморскому согласию, тогда как герои романа относятся к часовенному согласию. Тем не менее можно предположить, что это несоответствие не является «недоработкой» Гребенщикова, непосредственно знакомого со старообрядческой поэтической и песенной традицией, поскольку данные старообрядческие толки, будучи равно представленными в романе, являются родственными культурно.

Предполагаемым источником для стиха, отраженного в трех последних строфах, является житие об Иоасафе-царевиче [Стихи...], преподобном в Православной церкви индийском царевиче, который отрекся от своего царства и принял христианство. Согласно А.П. Кадлубовскому [Кадлубовский, 1915], этот текст отражает наиболее популярный среди сказителей сюжет: диалог царевича Иоасафа с пустыней, «царевич просит пустыню принять его; пустыня указывает на многообразные трудности жизни в ней; царевич заявляет, что ему не дороги прелести мира, что он готов к подвигу, и что утешаться он будет тем наслаждением природой, которое даст ему пустыня» [Там же]. Это произведение исполняется одним и тем же персонажем, патриархом семьи Фирсом Чураевым, у которого же хранятся священные книги, что дополнительно подкрепляет его особую функцию в сюжете как хранителя традиции, а также актуализирует не только общую историю миграции старообрядцев в Сибирь и на Алтай, но и частную историю семьи Чураевых, бережно хранящую Фирсом Платонычем.

В переводе романа стихи также обрели переложение на английский язык. Н.С. Селиванова сохранила по возможности художественную форму, перенесла ритм, строфическое членение и рифму, однако из парной рифмовка в переводе стала перекрестной. Кроме того, основным изменениям подверглась лексика: там, где в оригинале автор использует церковно-славянскую лексику (*частыня*, *зрети*, *вскую*), переводчица находит аналоги, относящиеся к нейтральной лексике (*bosom wide*, *to see*, *why*), тем не менее учитывая традицию перевода житийных произведений² (*пустыня* — *solitude*).

Вторым продуктивным методом конструирования художественной реальности и отображения духовной традиции в романе являются народные песни. Роль песенного нарратива как фактора формирования локусов воображаемой географии и формирования словесной культуры в произведениях Гребенщикова ранее уже была рассмотрена автором [Масяйкина, 2020b], поэтому текущие наблюдения являются закономерным продолжением данного исследовательского цикла.

Таблица 2

**Народные песни в романе «Чураевы»
и переводе «The Churayev Brothers»**

Г.Д. Гребенщиков. «Чураевы. Братья» (2013)	Н.С. Селиванова. «The Churayev Brothers»
Как на травушку роса Пала на муравыньку студеная. Парень девушку любил, спокинул — С руки перстень оставлял... (С. 67)	When the dew was scattered In cool drops on the grass A lad fell in love with a maiden, But soon he left her with only a ring [Селиванова, с. 36]
Ай, не полати-то ли гря-анули, Да по рукам-то девку вда-арили... Ай, как не печь-то повали-илася Да у нас Агафья заручи-илася-а-а... (С. 74)	Oh, it isn't the house that's tumbling down, It's the promised bride has come to town Oh, it isn't the stove that's tumbling down, 'Tis Agafya in her wedding gown [Сели- ванова, с. 49]

² См., в частности, St. John Damascene: Barlaam And Ioasaph (Trans: G.R. Woodward and H. Mattingly; Harvard University Press, Cambridge MA, 1914.

Г.Д. Гребенщиков. «Чураевы. Братья» (2013)	Н.С. Селиванова. «The Churayev Brothers»
Да бежит речка, речка бы-выстрая Да речка быстрая, струистая-а, Ай, как бежит она по камушкам Да по камням, пескам, под го-оружку... (С. 74)	Fast runs the river, The swift river, its waters rippling. Down runs the river, Downhill, through stones and sand [Селиванова, с. 50]
Эй, выйди, мила, на крыльсо-о Да дай с правой руки кольцо-о... (С. 75)	Come out on the step, dear, Give me your ring, dear [Селиванова, с. 52]
Плывите, слезы, плывите горькие. Несите горе мое, несите тяжкое Ко тому ли морю синему, Ко тому ли берегу родимому... (С. 187)	Flow my tears, my bitter tears, Bear my sorrow, me heavy sorrow, To the blue sea, To my native shore [Селиванова, с. 263]
Эй, расчесал-то ли милый ку-удри-и Да костяной-то своей гребеночко-о-ой! Надел шляпу-то черну с лентой Да снарядился-то к миленькой пошел... (С. 217)	Ho, Vanya combed his curly head, With a fine bone-comb he combed his hair; His hat he donned with its ribbon black, And he's off to see his darling fair [Селиванова, с. 317]

На настоящий момент не представляется возможным досконально и полностью установить источники данных текстов, в «Собрании сочинений» источники также не приводятся. Тем не менее для ряда текстов удалось предположить источники авторского вдохновения. В частности, свадебная песня, звучащая в четвертой главе первой части романа, восходит непосредственно к сборнику этнографа М.В. Швецово-вой «"Поляки" Змеиногорского округа» [Швецова, 1899], входящего в «Записки Сибирского отделения Русского географического общества», кн. XXVI. Текст, приводящийся в сборнике, практически дословно повторяет текст Г.Д. Гребенщикова: *«Не полати-то грянули — // По рукам девку ударили. // Что не печь повалилася — // Аннушка заручалася // Со милым дружкой, // Со милым дружкой // Да с Васенькой»* [Там же, с. 80]. Песня, которой Антон зазывает Груню в той же главе, предположительно восходит к песне «Что в нынешнем годочке», зафиксированной в сборнике «Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества» [Записки, 1902]: *«... Прямо к Маше на дворец, // Постучал он ей в окошко: — // Маша, выйди на крылец, // Дай с правой руки колечко // Ради памяти своей»* [Там же,

с. 172]. Свадебная песня из последней главы романа практически дословно повторяет текст «Чесал милый кудри...», записанный в сборнике «Полное собрание этнографических трудов Александра Евгеньевича Бурцева»: «Чесал милый кудри, // Расчесал мил русы, // Пухову шляпу надел, // Шляпочка пухова, // Сибирочка нова» [Там же, с. 191].

Другим способом конструирования старообрядческого текста романа является цитирование Священного Писания и иных христианских текстов. Представляется возможным разделить их на две категории: непосредственно цитаты (например, «Иже возлюбит мать или отца своего паче мене — несть, мене достоин», Мф 10:37), а также стилизация под старообрядческие притчи. Рассмотрим вторую категорию подробнее: в пятой главе первой части Фирс Платоныч пишет своему сыну Василию письмо, в которое включает следующую притчу: «Шла в пустыне некая жена, а ей навстречу муж блаженный, и спрашивает: "Куда бредешь ты, жено"? — "А бреду я в пустыню". — "Чего ты плачешь, жено"? — "А то и плачу, што вдовицей осталась. Было у меня четыре возлюбленных святых мужа: Филарет-патриарх, Иосиф-патриарх, Иоасаф-патриарх и Иов-патриарх. Прииде же Никон-патриарх и убиша их"» (Георгий Гребенщиков. 2013. С. 78). Согласно авторскому жанровому определению, вложенному в уста героя, это «*причта одна, от праведников предание*». Данный текст предваряет основную мысль письма: беспокойство Фирса о назревающем религиозном расколе в их деревне и просьбу к Василию возвратиться, чтобы «*призапасться словами света истины*», т.е. представить оппозицию к грядущим духовным волнениям. Обнаружить конкретный источник данной притчи на настоящий момент не представляется возможным, однако стоит обратить внимание на ядерный образ святой церкви как вдовы, потерявшей своих мужей по вине патриарха Никона. Данный образ, хоть и не находит отражения в иных источниках, является тем не менее родственным образу патриарха Никона, представляемого староверами в качестве Антихриста. В англоязычной версии притча также присутствует в тексте и переведена фактически дословно: «*A saintly woman was walking along a road leading to the desert when she met a man of God. «Whither art thou going, woman?» «I am going into the desert». «Why art thou weeping, woman?» «I am weeping because I have been left a widow. Four saintly men were the objects of my love: Patriarch Philaret, Patriarch Joseph, Patriarch Josiah, and Patriarch Job; but Patriarch Nikon came and slew them all...*» [Селиванова, с. 58–59]. К именам патриархов приводится авторская сноска: «*The predecessors of Patriarch Nikon*» [Предшественники патриарха Никона (прим. — *Перевод Е.Я.*)]. В русскоязычном тексте романа та-

кой сноски нет, это специфическое переводческое решение, объясняющее реалии для англоязычного читателя, предположительно не знакомого с историей раскола православной церкви; данное решение является типичным для англоязычных переложений Г.Д. Гребенщикова [Яркова, 2024b]. Также во фрагменте присутствует ряд лексических переводческих трансформаций: в частности, языковая пара «*муж блаженный* — *a man of God*» [Божий человек (прим. — *Перевод Е.Я.*)], что является описательным переводом, использованным вместо словарного «*blessed*» или «*beatific*», а также модуляция, при которой прилагательное «некая» заменяется переводчицей на «*saintly*» [святая (прим. — *Перевод Е.Я.*)]. Кроме того, Н.С. Селивановой используются устаревшие книжные конструкции «*Whither art thou going?*» вместо современного «*Where are you going?*» [Куда ты идешь? (прим. — *Перевод Е.Я.*)], что является стилистическим аналогом старославянской лексики, использованной в данной притче в оригинале.

Кроме того, самобытным средством конструирования христианского текста в переводе романа является транслитерирование фрагментов песнопений, с пояснением значения в сноске.

Таблица 3

**Фрагменты церковных песнопений в романе «Чураевы»
и переводе «The Churayev Brothers»**

Г.Д. Гребенщиков. «Чураевы. Братья» (2013)	Н.С. Селиванова. «The Churayev Brothers»
Господи, помилуй! Господи, благослови!	Gospodi pomilui! Gospodi pomilui! (Сноска: Lord have mercy on us!)
Господи-е, по-ми-елуй. Господи, по-ми-е-лу-ай. Господи-е, по-ми-и-елуй!.. (С. 70)	Gospodi-e po-mi-e-lui-l, Gos-podi-e po-mi-e-lu-ay, Gospodi-e po-mi-i-e-lui-i-. [Селиванова, с. 42–43]

Данное переводческое решение показывает, что для Г.Д. Гребенщикова и Н.С. Селивановой приоритетной является не только передача смысла песнопения, но и его формы, что косвенно подтверждается авторской орфографией, имитирующей произношение в русскоязычной версии романа.

Помимо активного использования песенного, поэтического и религиозного нарратива, старообрядческий текст романа продуктивно конструируется за счет использования реалий. Г.Д. Гребенщиков тщательно и дотошно описывает убранство часовни, книги и одежду. Деталь-

ность описаний поддерживается его личным этнографическим опытом, в частности, поездкой на Алтай в 1910 г. Однако интерес писателя скорее лежит в осмыслении и изучении человеческих судеб, нежели в непосредственной этнографии. Как он писал в очерке «На склоне дней его», посвященном Г.Н. Потанину: «Ни Горький не заразил меня „безумством храбрых“, ни Лев Толстой, одобливший во мне призыв сынов народа обратно на работу на земле, и ни Г.Н. Потанин, надеявшийся, что я подниму Ядринцевское, т.е. его, Потанинское, зная — никто не сделал из меня своего честного последователя».

Одним из ключевых сюжетных элементов романа является противостояние между лидерами двух старообрядческих сект. Главные герои романа — бухтарминские старообрядцы, «каменщики». Фирс Чураев, сам являющийся лидером своего сообщества, отправляет своего сына Василия в Москву для обучения и помощи в богословских делах. Василий стремится стать начетчиком — мирянином, который имеет право на чтение священных текстов, и как начетчик Василий должен быть хорошо знаком со священными книгами, каковое умение он доказывает в последней части романа. В оппозиции к ним находится раскольник Данило Анкудинович, который, разочаровавшись в вере, отправил своего сына Самойло к поморам в обучение: «Собрать мой о Христе Данило, Анкудинов сын, с зимы отшатнулся от меня и послал Самойлу веру новую искать. По словам, уплеся он к поморцам... А теперь, слыхатъ, вернулся и забрел в леса, верст за полсотни от нас к вершине реки, буд-то там уже свой скит строить зачал» (Георгий Гребенщиков. 2013. С. 79). Так, уже на начальном этапе развития сюжета можно проследить, как герои движутся в поисках и укреплении веры в противоположных направлениях: Василий в Москву, в метрополию, а Самойло, напротив, в наиболее отдаленные области.

Старообрядческий текст романа насыщен непере译имой лексикой, реалиями. К ним относятся слова, обозначающие обрядовую сторону жизни героев: убранство часовни, одежда, книги, терминология.

Таблица 4

**Примеры перевода обрядовой лексики в романе «Чураевы»
и переводе «The Churayev Brothers»**

Г.Д. Гребенщиков. «Чураевы. Братья» (1913)	Н.С. Селиванова. «The Churayev Brothers»
Поче это Самойло твой в поморские скиты убрел? (С. 54)	Why did your Samoilо go to the hermitages of that God-forsaken sect on the Coast? [Селиванова, с. 9]

Г.Д. Гребенщиков. «Чураевы. Братья» (1913)	Н.С. Селиванова. «The Churayev Brothers»
Фирс Платоныч ждет, что он начетчиком на всю округу будет — для этого и в ученье отдал с малых лет (С. 58)	Fiers Platonich had wanted him to be the dominie for the entire district, and so had sent him to the capital to prepare for this position when the boy was still in his teens [Селиванова, с. 18]
— Этот постоит за истинную веру!.. — гордо говорит Чураев. — Этот не поддается выписным миссионерам! (Там же)	“He will stand up for the old faith,” Churayev was heard to remark his pride. “He won’t yield to those imported missionaries.” (Comm.: of the Established Church, — the Greek Orthodox) [Там же]
Беда их в том, что жених-то беспоповец, как и все чураевские прихожане, а невеста из спасовского согласия (С. 73)	Their trouble was that the bridegroom belonged to the “priestless” sect, like Churayev and his parishioners, while the bride was a member of the separatist zealots, the “Brotherhood of the Saviour” [Селиванова, с. 49]
Окромя спасовцев в горах объявились самокресты и дырники, прости их Господи. Потом беглопоповцы да федосеевского толку (С. 79)	Too many faiths have sprung up in our district at the present time. Besides the Brotherhood of the Saviour, the self-immersing Baptists and the Dirniki have come to our mountains, may the Lord forgive them. Then also the fugitive priests and the fanatic followers of Fedoseev [Селиванова, с. 60]

Отдельного внимания здесь заслуживает перевод названий многочисленных старообрядческих толков и согласий. Н.С. Селиванова при переводе пользовалась преимущественно описательным переводом, заключая в него имплицитное пояснение для читателя о характере упоминаемого согласия (тем не менее перевод «беглопоповцев» как «беглых священников» не совсем верен, переводчиком была допущена метонимическая неточность), за одним исключением: название «дырники» было транслитерировано и отмечено сноской, не сохранившейся в рукописи. Можно предположить, что в сноске приводилось объяснение, почему данное согласие имеет именно такое название.

Мотив поиска Бога становится сквозным и проявляющимся на уровне нескольких персонажей: Фирс Платоныч ищет Бога в природе, в размеренной жизни, в преемственности семейной религиозной традиции и лидерстве над общиной, однако теневая сторона его жизни неизбежно проявляется по мере развития сюжета романа: в последней части романа Василий узнает об утопившейся девушке и внебрач-

ном сыне-разбойнике своего отца. Данило Анкудиныч в процессе поисков Бога отрекается от общины Фирса, принимая новое крещение в реке, однако этот поиск не останавливает его от своих мрачных ошибок, и его духовный поиск приводит к тому, что черничка Ненила погибает голодной смертью. Из младшего поколения героев в конечном счете к поискам Бога приходит Василий Чураев, что артикулируется устами профессора в финале романа: *«Беспокойный он у вас, все Бога ищет настоящего...»* (С. 220). Так, целью подробного изображения реалий старообрядческой жизни является в первую очередь иллюстрирование поисков Бога героями. Г.Д. Гребенщиков с этнографической правдивостью изобразил бытование различных старообрядческих согласий и существующее вследствие этого очень дробное сообщество, в котором нет вертикали и каждый герой ищет того Бога, которого сам может найти. Согласно С.С. Царегородцевой, «для создания образа одного из главных героев первой части эпопеи, Фирса Чураева, прообразами послужили, прежде всего, герои очерка „Река Уба...“ — вождь старообрядчества из Выдрихи А.П. Фирсов и верхнеубинский старообрядческий начетчик И.Ф. Егоров. <...> Встреча автора романа с И.Ф. Егоровым повлияла не только на формирование образа Фирса Чураева, но определила основную сюжетную линию всей художественной хроники — выполнение сыном духовного завещания отца — отыскать и защитить истинную веру» [Царегородцева, 2005, с. 38].

Заключение

Старообрядческий текст первого тома романа Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» и его авторизованного перевода, выполненного Н.С. Селивановой, складывается из нескольких составляющих. Духовные стихи являются первым элементом, слагающим данный текст в произведении. Для текстов, представленных в речи Фирса Чураева, также были установлены источники: духовный стих «Жалости» и житие об Иоасафе-царевиче. Также старообрядческий текст составляют народные песни, преимущественно свадебные; важно отметить, что частично установленные источники данных текстов географически также относятся к Сибири, Алтаю и Северному Казахстану. Третьей составляющей становится безэквивалентная лексика, в частности, религиозные реалии, а также прямые цитаты из Священного Писания и церковных песнопений. Перевод Н.С. Селивановой преимущественно носит доместицирующий характер, что выражается активным использованием сносок и стратегией описательного перевода реалий. Поэтические и песенные вставки в романе были переведены с сохранением формы, ритма

и в некоторых случаях рифмовки оригинала, однако же практически во всех случаях церковнославянская лексика заменяется при переводе на нейтральную, что лишает перевод значимого лексического средства выразительности.

Библиографический список

Анисимов К.В. Тема «старого обряда» и Сибирская литература начала XX века // Культура и текст. 1997. № 2. С. 96–97.

Горбенко А.Ю. Идея «Москва — третий Рим» в романе Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2013. № 1 (23). С. 295–299.

Десятов В.В. Скит искусств: жизнестроительство Георгия Гребенщикова // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 5–18.

Закаблукова Т.Н. Образ Сибири в семейной хронике романов Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» и В.Я. Шишкова «Угрюм-река» // Мир науки, культуры, образования, 2008. № 1. С. 57–59.

Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. По этнографии. Т. I. Вып. I. Красноярск. 1902. 199 с.

Кадлубовский А.П. К истории русских духовных стихов о преподобных Варлааме и Иоасафе. Варшава : Тип. Варш. учеб. окр., 1915. 25 с.

Казаркин А.П. Георгий Гребенщиков и областничество // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 290–294.

Масяйкина Е.В. Литературное наследие сибирского областничества: на материале архивов Г.Н. Потанина и Г.Д. Гребенщикова : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2020а. 196 с.

Масяйкина Е.В. Песенный нарратив как выражение словесной культуры Сибири в сказке Г.Д. Гребенщикова «Хан-Алтай» и ее англоязычном автопереводе // Вестник Томского государственного университета. 2020б. № 455. С. 12–18.

Масяйкина Е.В. Наследие Г.Д. Гребенщикова в рецензии Генриха Блока в газете «Prager Presse», 16 января 1925 г. // Немецкий язык в Томском государственном университете : 120 лет истории успеха : мат-лы III Международного научного форума (12–14 октября 2021 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2021. С. 75–83.

Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола : в 5 вып. / под ред. Бонч-Бруевича В. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1908. Т. 1. Баптисты. Бегуны. Духоборцы. Л. Толстой о скопчестве. Павловцы. Поморцы. Старообрядцы. Скопцы. Штундисты. 314 с.

Росов В.А. Вокруг монографии «Шаяпин». Избранные письма Георгия Гребенщикова и Федора Шаяпина. Алтай. 2023. № 3. Электронный ресурс: <https://журнальныймир.рф/sites/zhurmir/files/pdf/altay-2023-3-176-203.pdf>

Селиванова Н.С. The Churayev Brothers : [рукопись] // ГМИЛИКА. ОФ. Д. 65489.

Смолянинов А.В. Сибирские коллективные литературно-художественные сборники второй половины XIX в. как метатексты : автореф. дис. ... канд. филол. н.: 5.9.1. Томск, 2024. Электронный ресурс: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/koha:001148507>

Собрание англоязычных сочинений и автопереводов Г.Д. Гребенщикова. Т. 1 / отв. ред.: Е.В. Яркова; подгот. текста: Е.В. Яркова, Н.Е. Никонова, В.Н. Карпухина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2024. 414 с.

Царегородцева С.С. Роман Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» в социокультурном контексте эпохи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. Электронный ресурс: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000197727>

Черняева Т.Г. Георгий Гребенщиков и его роман «Чураевы». Сибирь в контексте мировой культуры. Опыт самоописания : коллективная монография. Томск: Сибирика, 2003. 215 с.

Швецова М.В. «Поляки» Змеиногорского округа. Омск, 1899. Электронный ресурс: <https://www.prlib.ru/item/1176620>

Яркова Е.В. Духовные стихи в романе Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» и англоязычном переводе Н.С. Селивановой // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сборник материалов XI (XXV) Международной научно-практической конференции молодых ученых (18–20 апреля 2024 г.). Томск, 2024а. Вып. 25. С. 510–515.

Яркова Е.В. Произведения Г.Д. Гребенщикова в авторизованных переводах Н.С. Селивановой: к определению степени авторизации англоязычных текстов писателя // Вестник Томского государственного университета. 2024б. № 501. С. 52–59.

Bonnet H.M. It was never that much fun! The Pulp Net. Электронный ресурс: <https://thepulp.net/pulp-articles/it-was-never-that-much-fun>

Источники

Гребенщиков Г.Д. Река Уба и Убинские люди. Алтайский сборник. Барнаул: Типо-Литография Главного Управления Алтайского округа. 1912. С. 1–80.

Гребенщиков Г.Д. Чураевы. Братья. Собрание сочинений в шести томах. Т. 1. Сибирь. Барнаул. 2013. С. 47–220.

Гребенщиков Г.Д. На склоне дней его // Сибирские огни. 2004. № 12. Электронный ресурс: <https://www.sibogni.ru/content/na-sklone-dney-ego>
Стихи об Иоасафе-царевиче. Духовная поэзия. Русская вера. Электронный ресурс: https://ruvera.ru/lib/stihi_ob_ioasafe_careviche

References

Anisimov K.V. Theme of the "Old Rite" and Siberian Literature of the Early 20th Century. *Kul'tura i tekst* = Culture and Text, 1997, no. 2, pp. 96-97. (In Russian)

Gorbenko A.Yu. Idea «Moscow is the Third Rome» in the novel of G.D. Grebenshchikov «The Churaevs». *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva* = Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, 2013, no. 1 (23), pp. 295-299. (In Russian)

Desyatov V.V. Hermitage of arts: life-creating of Georgy Grebenstchikoff. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal* = Siberian Journal of Philology, 2018, no. 1, pp. 5-18. (In Russian)

Zakablukova T.N. The image of Siberia in the family chronicle of novels by G.D. Grebenshchikov «Churaevy» and V. J. Shishkov «Ugrum-River». *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* = The World of Science, Culture, Education, 2008, no.1, pp. 57-59. (In Russian)

Notes of the Krasnoyarsk subdivision of the East Siberian department of the Russian Geographical Society. On ethnography, vol. I, iss. I, 1902. 199 p.

Kadlubovskiy A.P. On the History of Russian Spiritual Poems about the Venerables Barlaam and Joasaph, Varshava, 1915. 25 p. (In Russian)

Kazarkin A.P. Georgy Grebenshchikov and Regionalism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Tomsk State University Journal, 2004, no. 282, pp. 290-294. (In Russian)

Masyaykina E.V. Literary heritage of Siberian regionalism: based on the archives of G.N. Potanin and G.D. Grebenshchikov. Thesis of Philol. Cand. Diss. Tomsk, 2020a. 196 p. (In Russian)

Masyaykina E.V. The song narrative as an expression of the verbal culture of Siberia in George Grebenstchikoff's fairy tale "Khan Altai" and its English self-translation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Tomsk State University Journal, 2020b, no. 455, pp. 12-18. (In Russian)

Masyaykina E.V. George Grebenshchikov heritage in the review by Heinrich Block in "Prager Presse", January 16, 1925. *Nemetskiy yazyk v Tomskom gosudarstvennom universitete* = German language at Tomsk State University, 2021, pp. 75-83. (In Russian)

Materials for the history and study of Russian sectarianism and schism: in 5 iss., ed. V. Bonch-Bruevich, St. Petersburg, 1908, vol. 1, Baptists. Beguny. Dukhobortsy, L. Tolstoy on Skopchestvo, Pavlovtsy. Pomortsy, Old Believers, Skoptsy, Stundists, 314 p. (In Russian)

Rosov V.A. Around the monograph "Chaliapin". Selected letters of George Grebenshchikov and Fyodor Chaliapin. Altay, 2023, no. 3. Retrieved from: <https://zhurnal'nyymir.rf/sites/zhurmir/files/pdf/altay-2023-3-176-203.pdf>. (In Russian)

State Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altay (GMILIKA). Main Fund. File 65489. 322 pages. Selivanova, N.S. *The Churayev Brothers*, rukopis', = The Churayev Brothers, manuscript. (In Russian)

Smolyaninov A.V. Siberian collective literary and artistic collections of the second half of the 19th century as metatexts: abstract of a Philology Cand. Diss: 5.9.1 Tomsk, 2024. Retrieved from: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/koha:001148507>. (In Russian)

Collected English-language works and self-translations by George Grebenshchikov. Vol. 1 Ed.: E.V. Yarkova; Text Prep.: E.V. Yarkova, N.E. Nikonova, V.N. Karpukhina. Tomsk Publishing House of Tomsk State University, 2024. 414 p. (In Russian)

Poems about Tsarevich Ioasaph. Spiritual poetry. Russian faith. Retrieved from: https://ruvera.ru/lib/stihi_ob_ioasafe_careviche. (In Russian)

Tsaregorodtseva S.S. George Grebenshchikov novel "The Churaevs" in the socio-cultural context of the era. Abstract of Philol. Cand. Diss. Tomsk, 2005. Retrieved from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000197727>. (In Russian)

Chernyaeva T.G. George Grebenshchikov and his novel «The Churaevs». *Sibir' v kontekste mirovoy kul'tury. Opyt samoopisaniya. Kollektivnaya monografiya* = Siberia in the context of world culture. An attempt at self-description. Collective monograph. Tomsk, 2003. 215 p. (In Russian)

Shvetsova M.V. "The Poles" of the Zmeinogorsk district. Omsk, 1899. Retrieved from: <https://www.prilib.ru/item/1176620>. (In Russian)

Yarkova E.V. Christian poems in "The Churayev brothers" novel by G.D. Grebenstchikoff and N.S. Selivanova's translation. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* = Actual problems of linguistics and literary studies, Tomsk, 2024, iss. 25, pp. 510-515. (In Russian)

Yarkova E.V. George Grebenstchikoff's works in authorized translations by Nina Selivanova: To the identification of English-language texts authorization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Tomsk State University Journal, 2024, no. 501, pp. 52-59. (In Russian)

Bonnet H.M. It was never that much fun! The Pulp Net. Retrieved from: <https://thepulp.net/pulp-articles/it-was-never-that-much-fun>

List of Sources

Grebenshchikov G.D. The Uba River and the Ubinsky People. *Altayskiy sbornik* = Altai Collection. Barnaul, Tipo-Litografija Glavnogo Upravljenija Altajskogo okruga, 1912, pp. 1-80. (In Russian)

Grebenshchikov G.D. Churaevs. Brothers. *Sobranie sochineniy v shesti tomakh. T. 1 : Sibir'*. = Collected Works in Six Volumes, vol. 1, Siberia, Barnaul, 2013, pp. 47-220. (In Russian)

Grebenshchikov G.D. In the declining years of his life. *Sibirskie ogni* = Siberian Flames, 2004, №12. Retrieved from: <https://www.sibogni.ru/content/na-sklone-dney-ego>. (In Russian)